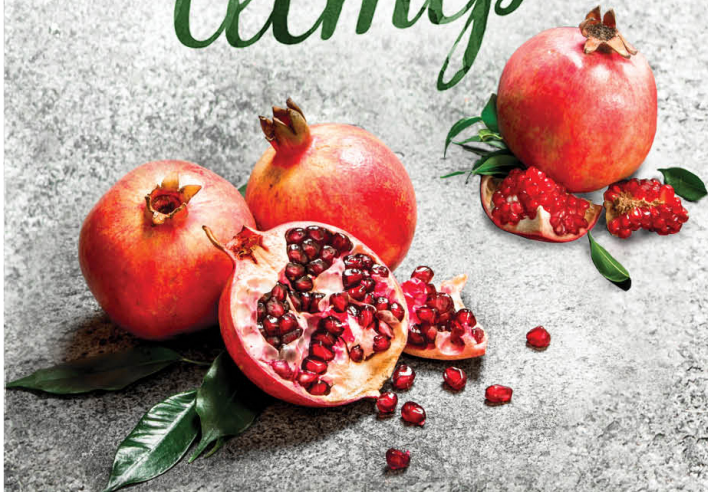

Б Е Р А
Калачкава

Рандеву

для трех

сестер

Вера Александровна Колочкова

Рандеву для трех сестер

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18123669

Рандеву для трех сестер : роман / Вера Колочкова: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-82999-6

Аннотация

Судьба часто дает нам всего несколько дней, за которые нужно успеть принять решение – изменить ли свою судьбу или сохранить привычный уклад. Жизнь Инги Шатровой, казалось бы, сложилась неудачно – первая любовь разбила ей сердце и вынудила выйти за нелюбимого, брак без любви окончился уходом мужа к другой, и на плечи Инги легли заботы о дочери и лежачей свекрови... Все меняется с возвращением в отчий дом, где ей дается всего неделя на переоценку ценностей, на то, чтобы понять, каким счастьем она обладает.

Книга также выходила под названием «Вместо любви».

Содержание

День первый	5
День второй	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вера Колочкова

Рандеву для трех сестер

© Колочкова В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*В окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла, –
Луч вонзился в прожженное
сердце стекла.
Как игла.*

Александр Блок

День первый

Телефонный звонок прозвучал так, что сердце сразу обрвалось в дурном предчувствии. Вроде бы самой обыкновенной деликатною трелью он прозвучал и не обозначился ничем особенным на фоне ежевечерних квартирных звуков, но в то же время и не вписался в их общий шумно-бытовой ряд. Текла и текла себе в этом ряду обычная ежевечерняя жизнь – нервничал разноголосьем популярной скандальной передачи телевизор в комнате Светланы Ивановны, с шумом лилась вода из кранов в ванной, на кухне взвизгнул на одной ноте и заверещал призывно таймер микроволновки, напоминая хозяевам о размороженных в ее нутре отбивных. И среди всего этого занозистой досадой – звонок. Как всегда, некстати. Такие вот роковые телефонные звонки – они всегда некстати. Потому и кажется, что они звучат не так, как обычно. Бесцеремонно и требовательно они звучат – попробуй не ответь. И еще есть у них одна специфически-нехорошая особенность – раздаваться громом небесным в самый неподходящий момент – когда человек под душ собирается залезть, например, или делом каким неотложным хозяйственным заняться. Такие звонки и несут в себе поворот судьбы. Или его знамение. Или вообще весть о фатальном, свершившемся уже факте – это кому как повезет...

Инга развернулась из коридора на сто восемьдесят граду-

сов, быстро простучала каблучками домашних туфель к журнальному столику с телефоном. Одновременно хватая трубку и падая в подушки кресла, проговорила обреченно-устало:

– Да. Вас слушают...

– Ингуль, это я, Вера... – прозвучал в трубке далекий тревожный голос. – С таким трудом до тебя дозвонилась! Весь день пыталась...

Голос старшей сестры звучал упреком, как будто Инга виновата в том, что ее весь день дома не было. Ну, и в самом деле не было. И не должна она была дома быть...

– Вер, я на работе весь день... А Светлана Ивановна трубку никогда не берет, ты же знаешь. И Анютки дома нет, она со своим детским театром опять на гастроли уехала. Каникулы как раз осенние... А что случилось, Вер?

– Тебе надо срочно приехать сюда, Инга, – грустно проговорила сестра. – Папа вызывает, что-то важное, говорит, сообщить нам хочет. Так что давай, завтра с утра жду. Теперь бы еще до Нади дозвониться...

– Вер, а что сообщить-то? Может, по телефону можно? Ты же знаешь, мне никак нельзя от дома оторваться...

– Я ничего не знаю, Инга. Папа сказал – приехать тебе надо. Так что уж будь добра, исполни. И не вздумай ему сама звонить! А то начнешь про причины свои всякие талдычить, знаю я тебя, – расстроишь только. А он и без того нехорошо себя чувствует. И без твоих причин...

– Что, так все плохо, Вер? Ты ж говорила, он вроде молодцом держится...

– Да, на сегодняшний день молодцом, конечно. Но это ничего не значит. Приезжай, Инга. Тут и поговорим обо всем. Приезжай. Так папа велел. Да, и вот еще что. Он просил передать, чтоб ты побыть здесь неделю примерно рассчитывала. Сказал, раньше тебе от нас уехать и не удастся.

– Но... Но погоди, как на неделю? Я не могу так срочно взять и уехать! Тем более – на неделю. У меня же Светлана Ивановна... Ей же каждое утро памперс... И поесть... Как я уеду, Вера? Тем более ты говоришь, что с папой все хорошо... Ничего не понимаю!

– Инга, ты что, не слышишь меня? Хорошо, еще раз тебе повторю: так велел папа. Теперь ты поняла меня, надеюсь? – отчеканила в трубку Вера, перебивая Ингин испуганный лепет.

– Да поняла я, поняла! – стараясь подавить обиду и не замечать менторского тона сестры, проговорила Инга. – Сейчас буду сиделку искать! Не могу же я бросить Светлану Ивановну одну!

– Хорошо, значит, утром ты выедешь, к следующему утру здесь уже будешь. Хорошо...

– Вер, я не знаю, когда я буду! Может, билетов на утренний поезд нет. Может, я сиделку не найду так быстро. Да мне еще и на работу надо заехать – заявление написать... Ты бы лучше объяснила мне, что за срочность такая? Да еще

и на целую неделю... Зачем на неделю-то? Мне и на один день от дома оторваться нельзя. Ты же понимаешь!

– Господи, Инга... Ну что ты за эгоистка у нас такая? Только о себе и думаешь все время! У других, значит, нет никаких сложностей, у тебя одной только!

– Да, Вер. Таких сложностей действительно ни у кого нет. Знаешь, как трудно сейчас сиделку найти? Да еще и срочно? Да еще и для Светланы Ивановны?

– Не знаю, Инга. В общем, приезжай. Так папа решил. Жду. Всего доброго и до встречи.

Трубка тут же захлебнулась короткими гудками – холодными и нервными, как и весь ее разговор со старшей сестрой. Инга положила ее на рычаг допотопного пластикового аппарата, обхватила себя руками за худые бока, покачалась горестно из стороны в сторону. Она и еще бы так покачалась, баюкая свою усталость и накатившее после звонка отчаяние, да времени у нее на это не было. Некогда впадать в обиду и грусть – надо срочно звонить куда-то, договариваться, умолять, из кожи вон лезть и просить какую-нибудь добрую душу, чтоб побыла несколько дней сиделкой для Светланы Ивановны. И беда была в том, что не существовало, наверное, в природе таких добрых да крепких духом сиделок, которые характер ее драгоценной свекрови выдержали бы да не сбежали в первый же день со слезами и нервной дрожью. Был, был уже у Инги грустный опыт по найму сиделок для Светланы Ивановны. Никто не шел. Мать Тереза –

она одна была такая, наверное. А остальные проведут полдня в их квартире – и деру. И никакими пряниками их обратно не заманишь...

Вздыхнув, она оторвала от боков руки, безвольно сложила их на коленях, замерла в горестной позе перед старым телефонным аппаратом. Жалость к себе, разорванная по кусочкам и загнанная давно уже в самые потаенные местечки души, вдруг зашевелилась довольно отчетливо, нанесла первый острожный удар – в груди тут же образовалось подозрительное тепло и нехорошая сладко-тягучая призывная влажность. Поплачь, мол, чего ты. Этой жалости поддайся немного – и долго потом себя не соберешь. Будешь сидеть, трястись как в лихорадке да слезы лить – самое бесполезнейшее из всех занятий, которое только можно придумать. Нет, это хорошо, наверное, и полезно даже бывает, чтоб вволю поплакать. Но надо же всему время и место знать! Время, например, ночью, когда все уже спят. А место – одинокая бабья постель да подушка-подружка...

Инга вздохнула еще раз, потом вздернула решительно подбородок, выгнула дугой спину. Сейчас, заплачет она, как же. Не дождетесь... Вспомнив, что оставила воду в ванной беззаботно хлестать из обоих кранов, подскочила легкой пружинкой из кресла и помчалась туда, выстукивая каблукми привычную барабанную дробь. Не любила она мягких домашних тапочек. И халатов плюшево-мягких не любила. Боялась такой одежды. Залезь в нее – и растечешься сразу

усталостью да ленью. Слишком уж недоступные это удовольствия в ее теперешней жизни – лениться, усталость чувствовать. Какая такая усталость? Стирки вон гора целая накопилась, и никто за нее эту работу не сделает. Машина-автомат, верно отслужившая свои десять лет, сдохла недавно практически у нее на глазах. Жалко. Вдвойне жалко еще и потому, что новую купить абсолютно не на что. Все деньги будто в прорву какую уходят – то Анькины детские гастроли, совсем для родителей не бесплатные, то лекарства для Светланы Ивановны... Да и на еде особо экономить не приходится – у Светланы Ивановны диабет... А вот и ее голосок уже из комнаты слышится – громкий такой, сердито-повизгивающий, грубо-капризулистый...

– Инга! Ты где, Инга? Ты что, решила меня голодом умерить сегодня? Я есть хочу!

– Сейчас, Светлана Ивановна! – приоткрыв дверь ванной, крикнула Инга. – Сейчас все будет! Я только белье замочу...

– Какое белье, Инга? Ты что, вместо ужина бельем занялась? Ты нарочно это делаешь, да? Прекрасно знаешь, что мне надо питаться строго в определенное время, но делаешь все назло! Все только мне в пику!

– Да в какую там пику, господи... – тихонько проворчала Инга, торопливо вытирая полотенцем руки. – Делать мне больше нечего – о пиках для тебя думать... Все, все, бегу уже, Светлана Ивановна! – беспечно крикнула она в сторону комнаты свекрови. А иначе нельзя. Надо, чтоб именно бес-

печностью ее голос звучал. Потому как если почует злобредная старушка, что нервничает невестка, – тут же и добить ее попытается обязательно. Ей Ингина нервозность – как запах крови для упыря...

– Что-то не вижу я, чтоб ты побежала куда-то!

– Как не видите? Да вот она я... Через пятнадцать минут уже и ужин будет! Отбивные разморозились, я их быстро зажарю!

– Ничего себе, через пятнадцать минут... – громко проворчала Светлана Ивановна. – За эти пятнадцать минут десять раз с голоду умереть можно...

Через два часа, плюхнувшись в кресло и запрокинув на спинку голову, Инга вздохнула облегченно, закрыла глаза, мысленно погладила себя по голове – молодец, девушка, еще один день прожила, и с ума не сошла, и в отчаяние не провалилась... Вот и Светлана Ивановна затихла в своей комнате, хорошо и калорийно накормленная, и бельем постиранным вся лоджия увешана... Хотя рано себя по голове гладить – пора и о завтрашнем дне подумать. Вот где, где она эту сиделку найдет? Звонить по старым телефонам бесполезно – никто целую неделю обихаживать Светлану Ивановну все равно не согласится. Надо какую-то новенькую жертву искать. Эй, алё, кто там у нас на новенького? Как там дальше? Вжик-вжик – уноси готовенького...

Она чуть было не унеслась в подкравшуюся неожиданно и ни к месту дремоту, но вздрогнула от резких звуков, ис-

ходящих из старого телефонного аппарата. Напугал, черт... Давно бы его сменить надо, да руки никак не доходят. Хотя руки, может, и дошли бы, да кошелек им особо разгуляться не дает. На месте держит. И большую фигу показывает.

– Привет, самая несчастная из всех разнесчастных! – услышала Инга в трубке знакомый до боли голос. Слава богу, свои. Слава богу, свои, из тех, из ласково-насмешливых, которые от нее ничего не хотят, которые, наоборот, всегда ей помочь стремятся...

– Привет, Родька. Чего это ты меня вдруг несчастной обозвал? Я вроде давно уже тебе на судьбинушку не плакалась...

– Так вот и я о том же. Пора бы и поплакаться. Как насчет воскресенья? Меня тут на дачу пригласили, шашлыки-машлыки, баня, лист осенний под ногой... Поедешь со мной? Утром – туда. Вечером – обратно. А что? Еды с вечера наготовишь, горкой у свекровкиной кровати складировуешь. Анька у тебя, как я понял, по гастролям опять шастает...

– Ой, как ты все вкусно рассказываешь, Родька... – завистливо вздохнула Инга. – Только вся эта вкуснота опять не для меня. У меня проблемы очередные... Слушай, у тебя знакомой сиделки нет на примете?

– Сиделки? Нет, нету... Так мне пока и не требуется вроде... – хохотнул в трубку Родька. – А что случилось, Ин?

– Да я сама не пойму, что случилось. Вера позвонила, говорит, приехать надо срочно. Отец просит.

– Ну, это дело святое. А что он, совсем плох?

– Да типун тебе на язык! В том-то и дело, что нет! Говорит, хорошо себя чувствует. Но все равно просит приехать...

– А может, капризничает просто? Старики, они как дети, знаешь...

– Нет, Родька. Наш отец не их таких. Он лишний раз о себе не напомним, гордый очень. В общем, ехать мне все равно надо. Аж на неделю целую. Сижу вот, голову ломаю – на кого хозяйство свое капризное оставить. Да и Анька через три дня уже вернется, ее встретить надо...

– Ну, Аньку я твою встречу, ты не волнуйся. А вот с сиделкой как быть?.. Слушай, а твой этот... ну, бывший... Он что, не может? Твоя драгоценная свекровка ему родной матушкой все-таки приходится...

– Ой, да бог с тобой, Родька! Он Аньку-то уже год не видел! Да и бог с ним, не хочу я ему звонить. Да и бесполезно. Знаю я, что он мне скажет. Договор, мол, дороже всего...

– Господи, Инга, ну какой такой договор? Свалил на тебя и дочь, и мать – крутись, как хочешь! Он хоть алименты тебе платит?

– Не-а. Ничего не платит. Это тоже в договор наш входит. Джентльменский. Он же мне квартиру эту отдал? Отдал. А мог бы и не отдавать. Мог бы обмен затеять. До сих пор бы менялись. И кончилось бы все тем, что выпер бы меня с ребенком в какую-нибудь халупу к черту на кулички. А он так отдал...

– Ну да, отдал он... Вместе с мамой своей в нагрузку...

– Ой, ладно, давай не будем начинать эту грустную песню, а? Как сложилось, так сложилось. Терпеть буду.

– Ну, терпи, раз так...

– Родь, ты мне денег займы не дашь? А то я последние, считай, на Анькину поездку выложила. Разорение одно с ее этими гастролями. Прямо театр Карабаса-Барабаса какой-то. Как гастролы, так побои с родителей начинаются. А мне совсем не хочется домой ехать с пустыми руками...

– Дам. И не займы. Я ж не чужой тебе. Твои проблемы – мои проблемы, окающая ты моя женщина.

– Ой, так уж и окающая...

– Ладно, не кокетничай. И денег дам, и с сиделкой помогу, как сумею. Качества не гарантирую, конечно...

– Ой, да какое там качество! Я и самим фактом ее присутствия была бы уже счастлива. А то хоть садись да плачь...

– Ладно. Сейчас обзвоню всех своих знакомых, порешаем вопрос. Погоди, не плачь пока. Жди звонка, несчастная моя женщина!

Трубка тут же выдала ей короткие деловые гудки, за которыми стояла будто веселая Родькина уверенность в положительном исходе проблемы. Хороший мужик – Родька... Родион Угольников. Почти что Раскольников... И почему она его тогда не заметила, в институте еще? Хотя чего уж говорить – она тогда вообще никого не примечала, сквозь дрожащий туман будто на жизнь смотрела. В параллельных группах родного радиофака в Политехническом про-

учились, а она его и не помнит совсем... Это уж потом, на встрече выпускников, она его разглядела. Да и то после того только, как признался Родька под пьяную лавочку, что с первого курса на нее глаз положил. Все подвалить хотел, да не успел. Очень уж скоропостижно она за своего Толика тогда замуж выскочила. Только познакомились – и сразу в ЗАГС. Каждый по своему расчету. Толик – от жгучей любви с первого взгляда, а она – чтоб прежнюю свою любовь из себя замужеством этим вытравить...

В общем, с этой встречи выпускников два года назад роман их странный с Родионом и завязался. Хотя это слишком громко сказано – роман. И никакой это вовсе не роман, а так, встреча двух одиночеств. Как там у Кикабидзе – развели у дороги костер... Родька к этому времени со своей женой тоже развелся и жил после размена родительской четырехкомнатной квартиры, ему по наследству доставшейся, в убогой однокомнатной хрущевке на окраине города. Правда, надо отдать ему должное, сердце и руку свою он предложил ей сразу, не раздумывая, – бери, мол, пользуйся, если хочешь. Старая любовь, мол, целехонька осталась, ничуть не приржавела... Да только она отказалась. Зачем? Одного мужика уже обманула, хватит. Опыт не удался. И впрямь нельзя без любви вдвоем жить. Раз нет ее, настоящей, чтоб в сердце сидела, то и замуж выходить не стоит. Ей этой истории с Толиком за глаза хватило...

А вот просто встречаться – это пожалуйста! Это ж ни к че-

му их не обязывает. Эти встречи можно просто как подарок судьбы рассматривать. И Родьке хорошо, и у нее мужское плечо есть. Какое-никакое, а есть. И жилетка для слез тоже. И помощь всякая. И для женского здоровья тоже хорошо. О нем тоже подумать надо – всегда в жизненном хозяйстве пригодится. А вот насчет любви – тут уж извини, Родька. Занято ее сердце, давно и прочно занято. Безнадежно, безысходно... как еще там? Горестно, обидно, навсегда... Что делать – она и сама этому не рада. Как вцепилась в сердце первая любовь, так и не желает отпускать. Сначала детской была, потом девичьей, теперь вот в женскую сама собой трансформировалась. Глупо, конечно. Но что делать – сердцу ведь не прикажешь. Пыталась приказать – ничего из этого не вышло, кроме фарса притворного. Уж как старалась перед Толиком женушку заботливую изобразить, все равно не обманула. Мужики, они притворство это особым нюхом чувствуют, шестым чувством, третьим глазом...

Инга вздохнула еще раз, кинула тоскливый взгляд на часы – почти одиннадцать. Ну кому он в такую поздноту дозволится? Все хорошие люди спать легли. Самой, что ли, подруг своих побеспокоить? Ленка разохается, конечно, но ничем не поможет – только время с ней зря потеряешь. А Наташка – та наоборот. Та охать не будет, зато пройдетесь хорошим крепким словом по всем ее родственникам, и настоящим, и бывшим. И совет даст – никуда не ездят, мол. И без тебя разберутся. Раз ты плохая для них – вот пусть и получают

плохую дочь и сестру, и будь плохой до конца, и оправдывай ожидания, раз такое дело... Нет, не стоит и Наташке звонить. Душу разбередишь, а толку тоже не будет. Так, кому бы еще позвонить-то...

Мысль свою она так до конца и не успела додумать. Телефон зазвонил снова, потек из трубки в ухо веселым Родькиным голосом:

– Инка, нашел я тебе сиделку! Ну, в смысле, не тебе, свекровке твоей...

– Да ты что?! И кто она? У нее опыт есть? Где живет? Ездить ей далеко? – сыпала Инга деловыми вопросами. – Ты ее предупредил, что потенциальная пациентка очень сложная? Она согласилась?

– Так. Не торопись. Чего затараторила? Давай все сначала начнем – по списку и по пунктам. Какой у нас вопрос первый был? Ты спросила, кто она. Так вот, отвечаю – это моя соседка по лестничной площадке. Вопрос второй – про опыт. Опыта у нее никакого такого нет и отродясь не бывало. Ей просто деньги срочно нужны. Так нужны, что она даже и не спросила про характер потенциальной пациентки, как ты любовно называешь свою свекровушку. И ездить ей далеко, как сама теперь понимаешь. Через весь город. Но она все равно согласилась. Так что бери, что дают...

– Ой, да конечно! Спасибо тебе, родненький Родька! Что бы я без тебя делала...

– Ладно, потом рассчитаешься, – хохотнул в трубку Роди-

он. – По приезде.

– Да мне вовек с тобой не рассчитаться... Ты столько для меня всего делаешь хорошего! Неудобно даже.

– Ну, для любимой да окаянной все дела в радость. Все для вас, мадам. И сердце, и рука... Не надумала еще руку мою принять, а? Не появилось ли у тебя такой мысли часом?

– Родь, ну не начинай... Ну чего ты! Опять все испортил... Мы ж договорились!

– Да помню, помню... Договорились, конечно. Другая б рада была...

– Конечно, была бы рада, Родечка! И если вдруг радостная такая около тебя объявится, я сразу в сторонку отойду, ты не думай! Мне и так неловко, что я тебя к своим скорбным делам все время присобачиваю...

– Дура ты, Шатрова. Дура и есть. И всегда дурой была.

– Ага, Родечка, дура...

– Значит, так. Завтра утром я тебе эту соседку-сиделку прямо на дом доставлю. Передашь ей свои скорбные, как ты говоришь, дела. А потом на поезд тебя провожу. Идет?

– А мне еще на работу надо заехать...

– И на работу заедем. Я на машине буду.

– Откуда у тебя машина? Ты ж жене все оставил...

– Сашка Ефимов свою дает. На завтра, до обеда. Так что провожу тебя по-человечески.

– Ой, Родька...

– Да ладно, Ин. Иди в дорогу собирайся. Пока. До завтра.

– Пока...

Положив трубку, она долго еще смотрела на старый аппарат. Сидела с ногами в кресле, покачивалась туда-сюда худым станом. И сама не заметила, как задрожали губы, как глаза заволокло жгучей горячей влагой. Ну почему, почему так несправедливо устраиваются судьбы человеческие? Почему она соломенной вдовой, брошенной женой оказалась в цветущие свои тридцать, почему согласилась жить в таких нечеловеческих условиях, ублажая капризную бывшую свекровь? Почему ей даже в голову не пришло, что после развода можно взять дочь и уехать под отчий кров, к отцу, к сестре Вере? Как так получилось, что выбилась она из семейного своего клана, изгоем там оказалась – не явным, конечно, но все равно изгоем? И почему она не может, черт возьми, взять и полюбить доброго Родьку, бросившего ей под ноги ковром драгоценным и сердце свое, и душу...

* * *

– Надя, тебя к телефону! Верочка звонит, у нее там что-то срочное! – крикнул из комнаты Вадим не то чтобы недовольно, а равнодушно как-то.

Надя и не удивилась. Она давно уже к этому равнодушию привыкла. И хорошо. И слава богу. Пусть будет так. Потому что все, что касается ее семьи, его совершенно теперь касаться не должно...

– Да, Верочка! Слушаю! – чуть запыхавшись, проговорила она в трубку. Так и прибежала из кухни – с половником в руках. Стояла, замерев, как солдат с ружьем на посту. Слушала очень напряженно, что ей говорит в трубку сестра Верочка. Деревце межбровной морщинки, недавно у нее образовавшееся, на глазах обросло прожилками-веточками, лицо, обычно розовое и гладкое, побледнело нехорошо, будто дунуло на него ветром из того, будущего, коварно подкрадывающегося женского возраста, когда яркость цветущей молодости сменяется пастельно-блеклыми красками зрелости, всеми силами-резервами организма страстно отвергаемой. Осев на диван, Надя вздохнула горестно, потом всхлипнула испуганно и тихо, шепотом будто, сложив руку вместе с зажатым в ней половником себе на грудь.

– Надь, случилось чего? С отцом, да? – наклонился к ней участливо Вадим.

Она только головой мотнула нетерпеливо, будто отстраняя его от участия в разговоре. И заговорила скорбным голосом:

– Что, Верочка, так и сказал, да? Чтоб мы все собрались? Но как же так? Я же недавно у вас была, и он ничего такого... Он веселый был – шутил, смеялся... Помнишь? Все было, как всегда...

В наступившей тишине слышно было, как Вера снова заговорила в трубку торопливо и взволнованно, как зашипело что-то на кухне, выплеснувшись на раскаленную плиту.

Надя дернулась было автоматически на этот звук, но Вадим остановил ее, коснувшись плеча сочувственно, – сиди, я сам, мол...

На кухне он быстро повернул кран под конфоркой, синие язычки пламени фыркнули возмущенно и исчезли, явив глазу расплывшееся по белоснежному телу газовой плиты сбежавшее из кастрюльки и успевшее подгореть молоко. Для него Надя кашу собралась варить, наверное. Овсянку, скорее всего. Заботливая, хорошая жена. Вчера только ей пожаловался на вновь возникший дискомфорт в желудке, и вот вам, получите... Теперь будет кормить кашами да супами протертыми – не поймешь, что и отправляешь в себя, то ли суп, то ли ту же кашу... Еще и рядом сидеть будет, и уговаривать, как малого ребенка, только что по головке не гладить. Совсем она его избаловала сверхзаботой своей. Говорят, повезло ему с женой. Многие завидуют даже. И еще говорят, что он своего счастья не ценит. Нет, он ценит, конечно же, ценит...

Ну не объяснишь же этим, которые говорят да завидуют, что счастье – оно вовсе ни в каком таком комфорте и не нуждается. Оно другое совсем! Оно... такое... хрупкое и звенящее, к нему бежать домой хочется со всех ног, а не сидеть на работе допоздна, тупо уткнувшись в экран компьютера. Оно то самое, для которого самому хочется и кашу сварить, и по головке погладить, и в глазки милые усталые заглянуть...

Вздохнув тяжело, Вадим подошел к кухонному окну, упер руки в поясницу, чуть прогнулся назад. Какие тяжелые кости стали с возрастом – так запросто и не прогнешься. Хотя какой такой возраст для мужика – сорок три года всего? У него вон жена на восемь лет его моложе, должен совсем еще огурцом молодым себя чувствовать. Должен, должен... Все время он чего-то кому-то должен. И благодарным за Надину к нему любовь тоже быть должен. И за ее стремление к стройности-ухоженности – тоже. И за наряды супермодные. За весь, в общем, внешний ее достойный экстерьер. А как же? Это ж для него, любимого, все в муках творится, для него диеты женские мучительные да истязания всякие телесные устраиваются. Чтоб говорили, чтоб завидовали – именно ему, а не кому-нибудь... А он, получается, сволочь неблагодарная. Счастье. Как увидел это счастье тогда, тринадцать лет назад, так покой и потерял. Ну да, тринадцать лет с тех пор прошло... Инге сколько было? Восемнадцать едва исполнилось? Что ж, девчонка совсем. Худенькая, маленькая – совсем на старших сестер непохожая. Он и увидел-то ее впервые тогда – Надя привезла его перед свадьбой к себе в дом, чтоб с родителями познакомить. Друзья провожали – смеялись все, как ловко Надя его, холостого-тридцатилетнего, окрутила. Он и сам тогда думал, что навеки обручен-окручен. Что нашел ту именно женщину, которую искал так долго. И умная, и красивая, и хозяйка умелая-расчудесная, и не кричит, не психует попусту... А потом он сестру

ее Ингу увидел...

– Вадик, мне срочно туда ехать нужно!

Он от раздавшегося за спиной Надиного слезного голоса обернулся, виновато подняв плечи и даже голову в них от этой виноватости втянув, будто Надя, незаметно подкравшись, могла каким-то образом подслушать его летуче-преступные мысли. Хотя чего в них такого преступного, если уж честным перед собой быть до конца? Не может в мыслях человеческих ничего преступного быть. В словах, в действиях – да. А мысли – это уж извините. Мысли – это область эфемерная, сугубо личная, интимная. Чего хочу, то внутри себя и мыслю. Вернее – кого хочу...

– Что, совсем плохо там, да, Надь? – тут же спросил он сочувственно, шагнув к ней навстречу мужицким медвежьим туловом. – С отцом плохо, да?

– Ой, не знаю, Вадик. Что-то не поняла я ничего. Верочка плачет, ничего толком объяснить не может... Вроде и не плохо ему так, чтоб совсем уж при смерти. Нет, об этом и речи нет...

– А что тогда? Отчего она плачет?

– Да говорю же – не поняла я! Ты же знаешь нашу Верочку! Она добрая, конечно, но объяснить вразумительно ничего не умеет. Говорит какими-то загадками, талдычит все одно и то же – папа так велел, и все тут... Я спрашиваю – что с ним, а она одно свое – все бросай, приезжай...

– Может, она просто по телефону говорить не хочет?

– Да нет, что ты... Мне б она сказала... Она ж бесхитростная такая! Спроси только – все как есть выложит! Если только отец ей запретил... Он может, он у нас такой. Если даже и болен – терпеть до последнего будет, а не признается. Он и в прошлый раз, когда я приезжала, плохо себя чувствовал, а виду не показал. Утром раньше всех поднимался. И сейчас, Вера говорит, рано встает, работает даже. Говорит, вчера всю ночь за письменным столом провел, бумаги свои перебирал, по папочкам раскладывал. Сложил потом все в столе аккуратно, на ключ запер... Надо мне туда ехать, Вадик! Надо своими глазами все увидеть! Верочка – она что... Она и не поймет, и не догадается... Что-то нехорошо мне после этого разговора стало...

– Поезжай, Надь. Чего тут думать-то? Поезжай, конечно!

– Ой, да это сказать легко – поезжай! Мне, главное, ехать сейчас – ну никакой возможности нет! Да еще и на неделю! Сам понимаешь – квартальный отчет на работе. Кто ж меня отпустит? Не знаю, что делать. Бюллетень, что ль, оформить...

– А попозже нельзя? Сдашь отчет и поедешь спокойно.

– Да в том-то и дело, что нельзя! Верочка говорит, папа велел нам всем вместе собраться. Срочно. Поговорить с нами хочет. У нее даже мелькнуло ненароком, будто бы и попрощаться он хочет. Странно... Как это – попрощаться? Что, мы всю неделю будем прощаться, что ли? Господи, да ему еще жить да жить! Я даже и думать ни о чем таком не могу!

Да и Вера, по-моему, не особо понимает, что под этим словом имеет в виду...

– Ну не ездь, раз не можешь. Успеешь еще, наездишься, когда в этом настоящая нужда будет. Сейчас-то зачем срываться? Мало ли – поговорить он захотел...

– Вадик! Помолчи лучше, раз не понимаешь ничего! – резко вскинула на него вмиг посуровевшее лицо Надя. – Это не кто-нибудь, это же наш отец! И мы все его любим без памяти, ты сам это прекрасно знаешь! И всегда будем любить! И я, и Верочка! Ну и... Инга тоже, конечно... Нельзя мне не ехать.

– Да, конечно. Извини. Поезжай, конечно. Раз надо. Я ведь не спорю с тобой. Я просто сочувствую. Как знаешь, так и поступай.

– Да уж, сочувствуешь ты... – обиженно махнула рукой Надя, подходя к плите и грустно рассматривая залитую сбежавшим молоком поверхность. – От тебя дождешься сочувствия, как же... Равнодушия – это да, это в любой момент, сколько угодно. А сочувствия – фиг вам. Зато сам очень любишь, когда вокруг тебя это сочувствие расточается...

– Надь, это ты о чем сейчас?

– Да ни о чем! Отстань...

– Но я и в самом деле тебе очень искренне сочувствую, поверь мне. Я сам отца недавно потерял, ты же знаешь. Ну хочешь... Хочешь, я с тобой поеду? Возьму недельный отпуск и поеду.

– Да знаю я, зачем ты поедешь! Проходили уже! – резко развернулась она к нему от плиты. – Услышал, что Инга должна туда приехать, и сразу у него искреннее сочувствие вдруг проклюнулось! Нет уж! Не поедешь ты никуда! Хватит с меня и того позора, который ты на мою голову свалил, не постыдившись! По горло хватит! Живу теперь с позором этим, как прокаженная! Чего смотришь так? Не нравится, да? Не нравится?

Вадим ничего ей не ответил. Он даже голову поднять не мог, чтоб ей в глаза посмотреть. Вот не мог, и все. Так и вышел из кухни с опущенной головой, закрылся у себя в кабинете. Надя потом скреблась в дверь виновато – он не открыл. Спал будто. Сидел в удобном своем вольтеровском кресле, которое ему от отца в наследство досталось, смотрел в вечернее сентябрьское окно. Желтые кленовые листья пролетали мимо, гонимые мокрым ветром. Красиво. Как на большом экране. И дождь косыми каплями по стеклу. И сумерки синие. И запах из открытой форточки вкусный, сырой, с горькой примесью белого дыма из большого костра, который развела дворничиха Клава – он видел, когда с работы шел. Спросил у нее – зачем листья жжешь, чем они тебе помешали, а она в ответ – положено так. Отстань, вроде того. Всяк бы, мол, знал правила свои заводить... Одни говорят – мусор, другие – красоту жжешь...

Что ж, и правда. Так оно и есть, наверное. Права Клава-то. У каждого насчет красоты да мусора свое понятие. Вот взять

его грех, например. Для него он – красота. А для Нади – как есть мусор...

Усмехнувшись скорбным своим мыслям, он проводил глазами очередной пролетающий за окном лист – большой, на толстом черешке, и не желтый даже, а бледно-изумрудный скорее. Его-то за что? Висел бы и висел еще на ветке. Как-кая-то у них там своя история умирания, у листьев осенних. Похожая на человеческую. Вроде живой еще, а уже умер. У листа этого тоже со счастьем не сложилось, наверное. Хотя снаружи и не заметно. А внутри болью трепещет, ворошит крылышками, дергает ниточками за сердце...

Вадим закрыл глаза, вздохнул глубоко, позволил себе целиком провалиться туда, в прошлое, в горестные и одновременно счастливо-тягучие воспоминания. Будто любимую книгу открыл. Будто листать ее начал нежно и бережно, выискивая любимые, до дыр зачитанные странички. Уже и на память выученные, а все равно для чтения необходимые. Так... Как там все это было-то? С чего началось? Ну да, с той их первой поездки в Надин городок и началось... Надо же было ей семейству своему жениха продемонстрировать! Счастливого жениха – он и сам поначалу так совершенно искренне полагал. Вот они, жених с невестой обрученные, вышли из автобуса, вот идут по аккуратной тополиной аллейке, вот проходят по городку, тоже аккуратному и чистенькому, гордому своей отверженностью от остального мира. Потому как городок этот особенный – «закрытая

зона» называется. Производство там особо секретное имеется, и на производстве этом Надин отец долго в начальниках ходил. Надя говорила – самым значительным человеком в городке был. Потом новые времена пришли, а вместе с ними – и люди новые, отца быстро на пенсию спровадили. С почетом, конечно. Он мог бы и не уходить, побороться еще, но не стал – гордый очень. А семья у них большая – мама, папа, Надежда и еще две сестренки, кроме нее. Сестра Верочка, Надина погодка, и младшая – Инга... Он еще спросил – почему Инга? Раз Вера, Надежда... Любовь же должна быть? Само собой имя напрашивается. А Надя поморщилась только и рукой махнула. Какая, мол, тебе разница?..

Потом они к дому их подошли. Хороший такой дом, особенячок двухэтажный на тихой улице. Забор с кованой калиткой, дорожка каменная к крыльцу-террасе. А на террасе – девушка с книжкой в плетеном кресле. С очень стильной стрижкой. Длинная челка свесилась на глаза, на затылке вихорки забавные торчат, а височки будто тупыми ножницами выстрижены. Полный авангард. Смешно. И в то же время трогательно до немоты в горле, и гармонично, и даже изысканно... Он вообще-то всегда был человеком педантичным, крайностей всяких не признавал, а тут остановился, залюбовался. Девушка, почувствовав на себе его взгляд, вздрогнула, подняла глаза... Его сразу тогда по сердцу этот взгляд ударил. Как током пробило. Он и не понял поначалу, что с ним произошло такое. Да и времени опомниться

не было – выскочила из дома навстречу им сестра Верочка, полное Надино повторение, только будто в кривом зеркале отраженное. Тоже, как и Надя, высокая, но не статная, а неуклюжая скорее. Тоже блондинка, но волосы не ухожены совсем, забраны в слабенюкую косицу. И черты лица крупные, как у Нади, но между собою разделенные, нет в них единой, присущей женскому облику приятности. Простое лицо такое, бесхитростное будто. И в то же время доброе очень. Надя кинулась ей навстречу, обняла радостно, потом к нему обернулась.

– А это моя старшая сестра Верочка, Вадик! Познакомься! – радостно представила она сестру. Потом махнула рукой в сторону вставшей из кресла девушки, добавила небрежно и будто извиняясь: – Ой, да... А это вот еще Инга... Тоже знакомься, она у нас младшая...

А потом знакомство и с папой состоялось, конечно же, и с мамой, и обед был, и кофе на террасе, и расспросы всякие – как и полагается при жениховстве. Он отвечал, ел, пил, улыбался всем приветливо. А потом сам себя поймал на том, что глазами все время Ингу ищет. И все время она будто пропадает из его поля зрения – маленькая, хрупкая, словно к рослому и сильному этому семейству не причастная. Она и впрямь вела себя так – непричастно да неприкаянно. Помалкивала да в сторонке держалась. Отклонялась будто от сильных своих родственников, хрупкость свою оберегая. И ему вдруг захотелось на защиту этой ее нежной хрупко-

сти встать – аж сердце в непонятной тоске задрожало, будто в тиски железные попало ненароком. И все время его хотелось выдернуть оттуда, да и себя заодно вытащить из странной тоски-задумчивости...

– Вадик, что это с тобой? Какой-то ты... странный. Рас-терялся, что ли? – приобняв за плечо, наклонилась к его уху Надя. – Расслабься давай, здесь тебя никто кусать не собира-ется! Наоборот, все тут от тебя в полном восторге! А глав-ное – ты папе очень понравился. Вот уж не знала, что ты у меня стеснительный такой...

– Что значит – не знала? – услышав ее веселый шепоток, весело переспросил Алексей Иванович, Надин отец. – Замуж собралась, а характер жениха изучить не успела?

– Ой, пап, ну что ты... Мы с Вадимом давно уже встреча-емся и давно любим друг друга. Он очень честный и поряд-очный человек, папочка. Он начальник экономического от-дела у нас на заводе, а скоро его назначат заместителем ди-ректора! – очень серьезно, как преподавателю на экзамене, отчеканила Надя.

Как Вадим успел заметить, все они с Алексеем Ивано-вичем так разговаривали – чеканили будто ответы и обра-щались к нему, как рядовые к старшему по званию, делая это с искренней, настоящей радостью. Ели глазами. Что ж, надо признать, папаша у них и впрямь фигура колоритная. Голосом говорит хоть и тихим, но властным, глаза добрые, но в то же время прицельно-насмешливые, движений лиш-

них не совершает, но все головы к нему только и повернуты всегда, как подсолнухи к солнцу. И энергетика от него такая сильная плещет, до ужаса харизматичная... Добрый такой папа-деспот, в общем. Хотя он как зять действительно ему по всем статьям подошел – благословение было получено полное и безоговорочное. А мамино благословения тут никто и не спрашивал, похоже. Мама тоже папе в рот смотрела. Тихая такая женщина, потухшая будто. Серенькая мышка. Хотя и со следами былой красоты на лице. Оно и немудрено – потухнешь, живя с таким деспотом... Он даже и не запомнил ее толком. Да не до того ему было – все время Ингу искал глазами, а когда находил, ощущал ее присутствие тревожно и болезненно, и снова сердце тисками схватывалось...

Ощущение это сердечно-болезненное он так и увез тогда с собой и долго с ним ничего поделать не мог. Кончилось все скандалом, то есть безумным тем разговором с Надей, который он сам и затеял накануне свадьбы. Заявил ей – давай, мол, подождем немного, не будем торопиться... И не предполагал даже, что она ему такую слезно-безумную истерику закатит по этому поводу...

– Не смей! Ты меня слышишь, мерзавец такой? Ты... Ты просто не посмеешь так со мной поступить, понял? – кричала, задыхаясь от ярости. – Со мной нельзя так поступать, Вадим! Что значит – не будем торопиться, когда день свадьбы уже назначен? Отец же придет! Что я ему скажу? Что ты не желаешь торопиться? Опозорить меня хочешь, да?

Тогда убей лучше! Что я, по-твоему, отцу объяснять буду?

– Надя, да при чем тут твой отец... – удивился он и отступил трусливо в сторону, уклоняясь от летящих в него стрел ярости. – Это же наша с тобой жизнь, и только мы должны решать...

– Мы? Мы решать? Ты хочешь сказать, что мы с тобой вместе должны принять это дурацкое решение? Нет, не будет этого, Вадим! Не смогу я жить опозоренной! Отец не простит мне этого... Да я... Я вообще тогда жить не буду! Так и знай – я уйду из жизни, если ты со мной так поступишь! И это на твоей совести будет!

– Надя, ну что ты говоришь... Нельзя так, Надя... – испуганно повернулся он к ней.

Хотел сказать еще что-нибудь тихое да спокойно-достойное, доводы какие-то разумные привести, но не смог. Взглянув в залитые безумным страхом глаза, вдруг поверил – и правда жить не будет. Именно потому и не будет – перед отцом опозоренной. Просто принял это как факт, по сути своей для него совсем не понятный. И почувствовал даже в этот момент нечто такое... будто страх этот Надин и в него перебежал колючими мурашками, будто и в него проникла эта чужая деспотичная харизма...

Свадьбу играли в кафе, как и задумано было. Народу – сто человек, все начальство заводское. Все по сценарию. Стол богатый. Шампанское рекой. Ключи от новой квартиры на тарелочке. Тосты застольные за молодых, за родителей...

Надин папа и здесь все внимание к себе притянул. Хотя ничего особенного для этого и не делал. Сидел, помалкивал себе, улыбался гордо-снисходительно, охватывая застольную толпу общим взглядом, ни на одном лице не задерживаясь. И тем не менее лица эти только к нему все и были повернуты, как подсолнухи к солнышку. И на них, на дочь свою с зятем, так же поглядывал – вроде как одобрительно-снисходительно, а вроде как и равнодушно. Не поймешь. Хотя, надо сказать, они и впрямь смотрелись прекрасной парой – оба высокие, статные, крупные. Отборный такой человеческий материал...

Инга на свадьбу не приехала. Он хотел спросить про нее у Веры, да постеснялся. Или испугался, может. Потом только узнал, что история какая-то нехорошая у нее приключилась. Был в той истории и мальчик какой-то одноклассник, и любовь роковая школьная с разрывом трагическим, и опять же отец каким-то образом ко всему этому руку приложил... Нет, прямо ему никто об этой истории, конечно, не рассказывал. Так, уловил кое-что из телефонных разговоров, и то обрывками. А когда через год после свадьбы они в гости в Надин городок собрались, Инги уже и след простыл. В большой областной город уехала, в институт поступила. Потом замуж там выскочила, ребенка родила... Надя Инге никогда не звонила, только открытки к праздникам да к именинам посылала. Говорила – интересов общих у нее с сестренкой младшей нет. Большой разрыв в возрасте, мол. Хотя

какой такой разрыв – пять лет? Но дела ее семейные с Верочкой по телефону обсуждала регулярно, и эмоции при этом у нее в голосе проскакивали очень даже горячие – чуть насмешливые, чуть снисходительные, а бывало, и злобные, будто не сестрой она Инге старшей была, а посторонней сплетницей. Из телефонных разговоров он понял, что жизнью семейной Ингиной сестры недовольны, что присутствует там муж «из простых», что является фактором хоть и не оскорбительным, но и не слишком радостным, конечно. А потом, со временем, еще одна тема для обсуждения в разговорах сестер появилась – Ингина больная свекровь. И что, мол, сама Инга в случившемся с ней и виновата – разъезжаться надо было вовремя. А позже из тех же телефонно-разговорных обрывков стало ясно, что дела у Инги совсем уж плохи, что пребывает она в жуткой депрессии после полного жизненного краха, то есть случившегося скоропалительного развода, и что, мол, опять же сама она глупой овцой оказалась, раз мужа около себя удержать не сумела, и всегда глупой была, странноватой и никчемной. Потому что нормальная женщина и с мужем разойтись умеет нормально, подарков в виде больных свекровок около себя не оставляя. И как дальше теперь Инга будет жить в сложившейся ситуации – непонятно... Полная безнадега у нее там, в общем...

А его после этого случайно подслушанного разговора будто черт в спину толкнул. Такие странные поступки на следующий же день совершать начал – сам себя не узнавал. По-

шел к директору, выпросил себе командировку в тот город, где Инга живет. Благо было у них в том городе малюсенькое дочернее предприятие – якобы там проблемы какие-то приключились. Директор плечами пожал, но командировку ему подписал. Может, и оценил даже служебное рвение зама по экономике. К Наде в бухгалтерию он не зашел – духу не хватило. Сразу рванул на вокзал. Уже из поезда ей позвонил. Тоже пытался было про дочернее предприятие соврать, а потом замолчал – противно стало. Свернул быстренько разговор, прикрывшись причиной плохой сотовой связи...

Поезд прибыл в Ингин город к ночи уже. Поймав на вокзале частника, он назвал по памяти адрес – Ангарская, 26. Он его запомнил, не специально, конечно, просто в память врезался из официально-поздравительных Ингиных открыток.

И номер квартиры помнил – 82. Вот она, и дверь эта заветная...

Он тронул пальцем кнопку звонка, весь сжался внутренне от разлившейся в квартире его трели. Тут же услышал дробный перестук быстрых каблучков и отступил на шаг. И вот она перед ним – бледная, перепуганная, насквозь проплаканная, в драных голубых джинсиках и белой майке без рукавов – ручки худенькие, как две тростинки-плеточки...

– Вадим? Это вы? Откуда?! – спросила удивленно, моргнув серыми глазами в мокрых ресницах.

– Да, это я, Инга. Вот, в ваш город в командировку посла-

ли...

– А... Ну да... Заходите, конечно... Сейчас я ужин...

– Не надо ужина, Инга. Я не голоден, в поезде ужинал.

Я поговорить с тобой хотел...

– А что такое, Вадим? Что-то с Надей, да?

– Нет. С Надей все в порядке. Это со мной... У тебя выпить есть? Волнуюсь я что-то.

– Да, была где-то бутылка коньяку...

– Давай...

Его и в самом деле подтрясывало периодически крупной нервной дрожью, и никак он не мог ее унять. Сел в кресло напротив Инги, открутил крышку с толстой приземистой бутылки, налил себе полный бокал пахучей спасительной жидкости. И Инге налил тоже. Она взяла в тонкие пальцы бокал, глянула Вадиму в лицо отрешенно, потом произнесла тихо, будто пожаловалась:

– А от меня, Вадим, муж ушел... Оставил вот с большой свекровью и ушел... Я так растерялась – не знаю теперь, как и жить мне. Страх такой напал... А вдруг не справлюсь? Мне ведь еще дочку растить надо...

– А где дочка?

– А она сейчас на гастролях. Я ее в детскую студию при нашем театре оперы и балета вожу. Ее там хвалят. Говорят – талантливая... Уже и во взрослый спектакль на детскую роль ввели. Обряжают в маленького Гвидона в «Сказке о царе Салтане» – забавно так... Анютка уехала, а я тут со Светла-

ной Ивановной... Одна воюю... Она сейчас спит, вон в той комнате... Так плохо мне сейчас! Никогда так плохо не было...

– Я знаю, Инга. Знаю, что плохо. Я вообще про тебя все знаю. Вернее, чувствую. Потому и приехал. И ни в какую не командировку вовсе. Я к тебе приехал, Инга. Я, наверное, люблю тебя... Хотя почему – наверное... Только ты не удивляйся, пожалуйста! Ты, может, не заметила, но это тогда еще произошло, когда я тебя на террасе в кресле увидел... Я и не думал, что так бывает!

Он выпил коньяк торопливыми глотками, снова налил, снова выпил. Она смотрела на него во все глаза, хмурила лоб напряженно, будто пытаюсь понять, что он говорит ей такое. Потом потрясла головой, тоже выпила до дна, снова устала на него непонимающе. А он все говорил, видел, что она его не слышит, не понимает, и все равно говорил, и остановиться никак не мог! Потом отодвинул сильной рукой журнальный столик, упал перед ней на колени, зарылся лицом в рваные лохмотья голубых джинсиков. Сердце бухало в груди, как у мальчишки юного. Со стороны посмотреть – смешно, наверное. Серьезный мужик, в костюме с галстуком, большой, неуклюжий, с сединой в волосах... А потом все понеслось так быстро и отчаянно, будто колесо какое закрутилось. Инга выгнулась у него в руках, всхлипнула горестно, обхватила его голову тонкими ручками, затряслась в рыдании. Потом встала, подала ему руку, за собой по-

вела. В спальню. И отдавалась, как сумасшедшая. Как в последний раз в жизни. Он помнил – ему даже страшно было. Все несло и несло их куда-то, остановиться было невозможно, и все было им мало... Будто они пытались выбросить из себя что-то, каждый – свое, наболевшее. Туда, в греховный костер прелюбодеяния этого преступного. Разумные их и глубоко порядочные души будто на время вышли из переплетенных во грехе плотских тел, тихо стояли рядышком в уголке спальни, стыдливо и виновато отвернувшись, скрючившись, как две праведные старухи. Даже глаза закрыли на время – разрешили будто. Вадим не помнил, как потом провалился в сон почти обморочный...

Проснулся он от странного звука – тихого на одной ноте тоскливого поскуливания. Открыл глаза, увидел Ингину согнутую спину с выпуклыми позвонками. Протянул руку, тронул ласково. Она вздрогнула, выгнулась, повернула к нему заплаканное лицо, прошептала горячо и быстро:

– Вадим, уходи скорей, прошу тебя...

– Нет, Инга. Я не уйду. Ты не поняла, наверное. Я насовсем приехал. К тебе. Не гони меня, Инга. Я так люблю тебя! Я все для тебя сделаю, я буду очень стараться... Можно я останусь с тобой?

– Нет! Нет! – снова крикнула она отчаянным шепотом, быстро соскакивая с постели. Заметалась по маленькому пространству спальни, быстро натягивая на себя разбросанную одежду. – Вставай быстрее, одевайся и уходи!

– Но послушай, Инга...

– Не надо, Вадим! Не говори больше ничего! – тем же испуганным крикливым шепотом оборвала она его на полуслове. Потом подняла на него глаза – он аж вздрогнул от хлынувшей в сердце жалости. Безумный какой-то это был взгляд, прожигающий насквозь будто. Взгляд павшего ангела. И голос, на одной ноте дрожащий: – Господи, что мы с тобой наделали, Вадим... Это же... Это же преступление настоящее... Уходи скорее, Вадим... Уезжай...

Она кинула ему одежду на кровать, стояла, тряслась вся – слышно было, как зубы клацают звонкой дробью. Он оделся, шагнул было к ней, но она метнулась испуганно к двери, замахала руками отчаянно:

– Нет! Нет! Уходи! Забудем все! Пусть только Надя ничего никогда не узнает... Я и сама не пойму, что это со мной было... Как же это...

Она на цыпочках вышла из спальни, ведя его за руку. В дверях он обернулся к ней, пытаясь что-то еще сказать, но она быстро захлопнула дверь, обдав его напоследок взглядом сожаления и виноватости. Застегиваясь на ходу, он стал медленно спускаться вниз по лестнице...

А Надя об их греховном прелюбодеянии узнала в тот же день. Он еще и приехать домой не успел, а она уже знала. Позвонила чуть позже, когда Инга на работу ушла, попала на свекровь, и та ей долго жаловалась на невестку свою сволочную и бессовестную, закрывшуюся на всю ночь в спальне

хоть и бывшей, но все-таки супружеской. Для греха, значит, закрылась. С ее, с Надиным мужем, мужиком глубоко порядочным. Думала, что спит свекровь и не узнает ничего... Думала – ей так просто преступление это с рук сойдет...

Вадим, как в дом вошел, так и понял по Надиному виду – знает. И молчит. И даже разговаривает с ним как ни в чем не бывало. Вернее, изо всех сил старается. А глаза – как у смертельно раненной тигрицы. Желтые, яростные и жалкие одновременно. Он тогда сам не выдержал, глянул прямо в эти глаза, проговорил решительно:

– Надь... Я вижу – ты все знаешь уже. Может, это и хорошо, что знаешь. Мне уйти, Надь?

– Нет.

– Но... Как же мы жить теперь будем?

– Как жили, так и будем жить. Как будто ничего не случилось. Ты никуда не ездил, ничего такого не было...

– Но почему? Как же – не было, если было...

– Да что – было? Почему я должна всерьез относиться к тому, что у тебя где-то там далеко было? Видимо, я слишком хорошо к тебе отношусь, Вадим, чтобы придавать этому хоть какое-нибудь мало-мальское значение. Понял? Я слишком люблю тебя!

– Слишком! Так, наверное, ребенка своего мать любит. Что бы он ни сделал плохого – всему оправдание найдет.

– Да, любимым детям все, все прощается, Вадим! А ты и есть для меня любимый большой ребенок...

– Надя, но я не хочу всю жизнь прожить, будучи твоим ребенком! Это не сахар, знаешь ли!

– Ну так будь мужиком тогда! Кто тебе мешает-то? Будь, будь настоящим мужиком! Я только рада буду! Будь для меня мужиком! Для меня! Ты понял, Вадим? Только для меня! Ну скажи, чего тебе во мне не хватает-то?

Она заплакала тогда отчаянно и громко, будто в крике зашлась или зарычала так от болезненной раны, но быстро успокоилась. В руки себя железные взяла. И все. Больше ни разу они к этому разговору не вернулись. Будто и впрямь не было за ним никакого такого греха. Сейчас только, после Верочкиного звонка, впервые об этом и вспомнила...

За окном совсем стемнело. Пролетающих листьев уже не было видно, только моросило по-прежнему. Косые капли, попадая на оконное стекло и разбиваясь на мелкие искорки, выстраивались сами собой в строго параллельные линейки. Одна к одной, одна к одной. Красиво. Можно смотреть до бесконечности. И грустить до бесконечности. И сожалеть. Хотя о чем сожалеть? Ну, не получилось любви. Не всем судьба такое счастье дает. Зато другое все получилось. Работа любимая, жена верная и преданная, дом хороший... Чего еще надо человеку? Надо жить, надо просто жить и хорошо исполнять свои обязанности...

Надя снова подошла к двери Вадимова кабинета, постояла, прислушалась. Черт, досадно как... Ну кто ее за язык тянул, зачем про Ингу так неосторожно ляпнула? Даже

в тот день, когда он из той «командировки» приехал, никакого особенного скандала ему не закатили, а тут вдруг прорвало... Накопилось, наверное. Хотя и не должно бы... Она в тот еще злополучный день попыталась всю свою обиду в одну только сторону направить. Только в Ингину сторону, конечно. И обиду, и боль, и раздражение. Да и стараться особо не надо было, потому что так легче, это ж ясно. Какой прок Вадима обвинять? Ей же жить с ним рядом. А Ингу... Ингу она с детства не то чтобы недолюбливала, а... не замечала как-то. В расчет человеческий не брала. Подумаешь, заморыш, сестренка младшая. Она вообще как-то к ним с Верочкой в сестринскую любовь не вписалась. Ее даже Любовью мама не назвала, если следовать логическому ряду дочерних имен. Ведь не назвала же! Вот и получилась – Инга. Колючее, как иголка, имя. Хотя отец Ингу очень любил. Возился с ней больше, чем с другими, всегда смотрел на нее по-другому... Более сердечно, что ли. Они для него, например, всегда были Верой да Надей, а она – Иннулей. Все Иннуля да Иннуля... Обидно же. Хотя они с Верочкой друг друга все время успокаивали – это он просто от жалости. Инка же заморыш такой, худая, хрупкая. С ними, высокими и сильными, даже в один ряд поставить нельзя...

Раздражение на младшую сестру вдруг снова с силой всплеснулось, прошло ожогом по душе. Свеженькое такое раздражение, только что образовавшееся. И в самом деле – почему она должна виноватой под дверью Вадимова кабинеты

та стоять, скрестись ногтями осторожно... Что она такого ему сказала, в конце концов? Ничего обидного и не сказала...

Постучав уже громче, Надя проговорила виновато, но в то же время резко и решительно:

– Вадим, открой, пожалуйста!

За дверью тихо скрипнуло кресло, послышались тяжелые, приближающиеся к двери шаги. Надежда торопливо натянула улыбку на лицо...

– Вадик, ты меня завтра на вокзал отвезешь? – ласково вскинула она к нему лицо с готовой уже широкой, почти искренней улыбкой.

– Отвезу.

– Я до обеда на работе буду, все дела срочные сделаю, а потом – на поезд. Билеты ведь будут, как ты думаешь?

– Будут, конечно. Сезон отпусков закончился.

– Ага... Вот и хорошо... Я сейчас тебе еды наготовлю побольше, ладно? Чтоб разогреть только...

– Да не надо, Надь. Я сам. Ложись спать – поздно уже.

– Нет-нет, Вадик! У тебя же гастрит! Я уж лучше приготовлю все, а то с ума сойду там от беспокойства – как ты здесь без меня...

Повернувшись кокетливо своим большим, склонным к полноте телом, она пошла легкой походкой по коридору, чувствуя на спине его взгляд. Черт, ну никак, никак ей не удастся похудеть так, чтоб до самой хрупкости, чтоб

до самой умильной тонкости-звонкости, чтоб ребрышки торчали стиральной доской... Что делать – кость широкая. И рост высокий. А так хочется, просто сил нет...

* * *

Вера положила трубку, смотрела на аппарат еще какое-то время слегка обиженно. Потом подошла к двери отцовской комнаты, прислушалась. Тихо. Спит, слава богу. Не разбудила она его своим разговором с Надей. Нет, надо же! Что одна, что другая – некогда им, видите ли. Еще и рассуждают – как приехать, когда приехать... Будто она их на именины к себе зовет! Оно, конечно, у Инги – свекровь больная, у Нади – муж, с этими обстоятельствами из личной жизни сестер она готова смириться. Куда деваться-то? Все ж таки как-кая-никакая, а личная эта пресловутая жизнь у них сложилась. Раз из дома родительского вылетели, значит, так оно и есть. А она вот всю свою сознательную жизнь при отце провела...

Нет, она этим обстоятельством нисколько не тяготилась, конечно же. Даже счастлива была по большому счету. После смерти мамы стала для него всем – и доверенным лицом, и хозяйкой-экономкой, и библиографом, и собеседницей, и самым близким другом... Ну, может, и не другом, и не самым близким, но ведь она имеет право хотя бы думать так! Она всегда, сколько себя помнит, жила свою жизнь от-

носителем отца, вертелась маленьким спутником вокруг его солнца. Ей всегда хорошо было в этом поле, на этой самой траектории. Можно сказать, счастлива была. Правда, судьба ей даже и шанса ни одного не дала, чтоб с этой траектории прыгнуть, но это не важно, не важно! Зато ей, только ей одной отец достался, весь, целиком, так уж вышло. Ей, самой из трех сестер неудачной, если судить исходя из природных посылов. И красотой бог обидел, и способностями, даже самыми маломальскими, не наделил. Даже образование высшее не смогла получить – так и застряла на зимней сессии первого курса скромного педагогического института. Помнит, приехала домой, отчисленная, униженная, плакала без ума от горя... Отец молчал, смотрел сочувственно и снисходительно, потом сказал – не плачь, мол, Верочка, зато у тебя сердце доброе, душа красивая. А что ей с того сердца да души? Ей же хотелось, чтоб он гордился ею, чтоб смотрел так же одобрительно, как на Ингу, когда она дипломы всякие со школьных математических олимпиад ему притаскивала...

Зато потом отец устроил ее на работу – к себе на завод взял, в техническую библиотеку. А туда не всех, между прочим, брали. Потому что место, где отец работал, только звучит так скромно – завод. А на самом деле это никакой и не завод тогда был. Это огромное секретнейшее предприятие было, ядерный оружейный комплекс, один из самых крупных в стране, и городок их был при этом самом предприятии

вполне процветающим. Тогда даже просто так, всеу, снежно-красивое имя их городка нигде не произносилось! А если и произносилось, то с придыханием, с уважением, даже с почтением неким к этой секретности. И там, на заводе, вокруг отца тоже все вертелось, как вокруг солнца. Он настоящим был руководителем, его там до сих пор помнят. Сильным, властным, волевым был. Дневал и ночевал в своем кабинете и никогда не уставал. Только глаза особым огнем горели. Посмотришь ему в глаза и себя ощущать начинаешь по-другому. Как будто ты малявка совсем, букашка жалкая, и ничего у тебя своего собственного нету, и необходима тебе лишь та энергия, которая от этого сильного мужчины исходит горячими добрыми волнами. Бери ее сколько хочешь, раз у тебя своей не хватает. Но и помни, что взял. И будь благодарен. И бойся, что завтра тебе в этой энергии могут отказать запросто. А что – все и боялись... Отец никогда не кричал и не сердился, а его все равно боялись. Говорили – харизма у него какая-то там особенная. Дающая и подавляющая одновременно. Даже не подавляющая – уничтожающая. Такое вот странное по физической сути явление. Парадокс. Доброе ядерно-поражающее воздействие. Зона реального риска...

Мать их, Веры, Нади и Инги, Софья Андреевна, у отца второй женой была. Первая жена умерла рано. Прошла с отцом нелегкий его путь еще с институтской скамьи, верным другом была и соратником. Ее тоже на заводе помнили, рассказывали Верочке шепотком, когда работать там начала,

что была она руководителем группы дезактивации, и однажды сбой какой-то в работе этой самой группы случился – не повезло, в общем. Потом болела – скрутило ее практически в один год... Отец в сорок лет уже вдовцом стал. Женился, правда, быстро очень. На секретарше своей, Сонечке. На их матери, значит. Да и то – мать по молодости очень красивой была! Высокая, статная, коса природная блондинистая, глаза голубые. И отца любила без памяти. После замужества с работы ушла, домом занялась. Дочек-погодок родила, Верочку и Наденьку. Они помнят, какой мать раньше была! Это потом с ней та самая метаморфоза приключилась, когда она беременная Иногой ходила. Будто потухла в ней вся жизнь, как лампочку внутри выключили. Потемнела вся, съежилась, даже ростом меньше стала. Все кругом говорили – сглазили, мол... И даже имя называли ведьмы этой, которая будто бы мать их так изурочила. Люба. Любовь. Любочка. Новая секретарша отца. Что-то несло его все по секретаршам...

Городок их хоть и был сверхсекретным, а языки досужим доброжелательницам ни одним секретом никогда не завяжешь, как ни старайся. Вот и матери про Любочку донесли. Да она и сама, скорее всего, догадывалась об этой мужней привязанности и без доносов этих. Любила она отца. Вросла в него полностью, растворилась в харизме насмешливой, ничего от себя не оставила. Но что с ее любви было толку? Любовью в этой ситуации не прикроешься, оружием против

соперницы не выставишь. Тут другая артиллерия нужна была, более весомая...

Артиллерией этой должна была послужить, по хитрым маминым женским расчетам, третья ее беременность. И желательно, чтоб сына мужу родить. Тогда бы уж точно никакие Любочки-секретарши ей не страшны были. Она и забеременела с перепугу, и вздохнула вроде бы облегченно, и мужу поторопилась о своем беременном положении сообщить... А только, выходит, опоздала маленько с радостью. Вскоре дошли до нее с завода дурные вести, что Любочка-то уже с пузом на работу ходит, скоро в декрет пойдет. Что выдали ей недавно ордер на новую квартиру в новостройке, трехкомнатную, и собирается она вот-вот туда переехать, чтоб свить там с ее мужем новое семейное гнездышко...

Не выдержала мать такого напряжения. Все один к одному сошлось – и привязка любовная к мужу, и страх, и токсикоз мучительный. Наглоталась в одночасье гадости какой-то, еле живую в больницу отвезли. Ничего, откачали, даже беременность сохранить удалось. А только вышла из больницы мать уже другой совсем – вымороченной будто. И после родов уже не выправилась. Вот и весь Любочкин сглаз, выходит. Сама себе мать сглаз этот устроила, своими же руками...

Отец, конечно, из семьи никуда не ушел. Не решился после такого жениного поступка. Хоть Любочка, слухи ходили, и родила ему сына. А потом она вообще исчезла куда-то из города. Говорили, ее отец сам в областной центр отвез,

устроил там и с жильем, и с работой. Хотя и сплетни все это, наверное, но на чужой роток не накинешь платок. Может, и сама уехала Любочка от позора подальше...

Инга родилась маленькой и худенькой – заморыш заморышем. Не досталось ей породистых отцовских генов. Да оно и понятно – откуда бы? Раз вся любовь отцовская на Любочку тогда уходила, и гены все туда же ушли. А от одного только исполненного супружеского долга, как правило, особой стати не рождается. Да все бы это ничего, можно и без генетической стати жизнь прожить. Без любви материнской гораздо труднее...

Нет, нельзя сказать, конечно, чтобы мать Ингу совсем невлюбила. Все обязанности свои материнские несла перед ребенком исправно, а только все равно Инга будто приемышем в родной семье росла. И они, старшие сестры, Верочка с Наденькой, матери по-детски сочувствуя, тоже не особо младшую сестренку к сердцу приняли. Даже жили всегда в разных комнатах. Когда Ингу из роддома привезли, старших девочек переселили в мансарду, а в их комнате детскую кроватку поставили. Так в этой комнате Инга потом и прожила все свое детство и юность, одна совсем. А они вдвоем в узкой комнатухе наверху ютились. В гордой тесноте, но опять же не в обиде – в любви сестринской.

А Ингой ее мама назвала. Такое вот колючее имя для дочки придумала. А что? Не Любочкой же называть, в самом деле! Вот не было бы в жизни ее мужа той секретарши-разлуч-

ницы, можно было б тогда и Любовью назвать, следуя логике семейных имен. Мать Софья есть, дочери Вера да Надежда есть, стало быть, и Любовь теперь должна быть! Жаль, не получилось. Инга родилась. Вместо Любви. Вместо любви...

Зато уж отец Ингу без ума любил. Маленькую так вообще с рук не спускал, они ревновали, шипели на нее обиженными гусынями. В школу пошла – уроки с ней делал, сидел вечерами. Это при его-то занятости! Их с Наденькой в строгости держал, а Инге все дозволено было. И смотрел отец на младшую дочь по-особенному – восхищенно-дрожащим каким-то взглядом. Хотя чем там было восхищаться, Господи боже мой... Вот Надя – совсем другое дело. Тут вам и стать, и красота яркая, и способности – диплом инженерно-экономического института шутя ей в руки дался! А у Инги – ручки-палочки, ножки-гвоздики... Правда, надо отдать должное, палочки да гвоздики эти очень уж удачно сочетались, составляя в непонятной своей гармонии умилительно-трепетный девчачий образец. И способности математические в Ингиной головке проклюнулись недюжинные. Отец носился с этими ее способностями, собирался после школы в Москву везти, в тот серьезный институт поступать, который и сам когда-то закончил. Все к тому и шло, да только Инга сама все испортила. И чего ей вдруг в голову пришло – характер свой перед отцом показывать? Уж ее-то характеру воевать с отцовским, да где такое пристало...

Случилась эта дурацкая история в июне месяце, как раз

после Надиного с женихом приезда. Отец тогда Вадима очень хорошо приветил, понравился он ему. Да и не могло быть у Нади плохого жениха. Не из тех она дурочек, кто за плохих замуж идут, не разобравшись. В общем, и недели после их отъезда не прошло, как Инга уже и своего кавалера в дом привела. С отцом знакомиться. Тоже захотела – чтоб все честь по чести. Как будто никто из них этого ее кавалера в глаза никогда не видывал... Правда, дорога ему в их дом заказана была: ненадежный был мальчишка, хулиганистый и из семьи пьющей. Севка Вольский, Ингин одноклассник. Не мог тогда отец кого попало к себе в дом пускать, не того он полета птицей был, это ж понимать надо. Могла и посчитаться с этим обстоятельством любимая его доченька, и не влюбляться без ума в кого попало. Ну и что с того, что с первого класса с Севкой за ручку ходит. Ну и что – любовь детская да юношеская. Жить она без Севки не может, видите ли. Джульетта нашлась...

А отец что – он парня от ворот гнать не стал, конечно. Сидел, улыбался, беседу культурную с ним вел. Отец их вообще никого никогда от себя не гнал. Сами убежали. И голоса ни на кого не повышал. И без того боялись. Вот и Ромео Ингин так же убежал – подскочил со стула, как ужаленный, и понесся, чугунной калиткой изо всех сил хлопнул. Инга за ним бросилась, а потом вернулась, вдрызг уплаканная. Три дня просидела в своей комнате, на замок закрывшись, а однажды утром собрала вещи и уехала. Сама решила

в институт поступать. Не в тот, московский, в который они с отцом наметили, а в другой, политехнический, в областном далеком городе. Протест свой таким образом отцу выказала. Пришла на вокзал и уехала куда глаза глядят. Вернее, куда билеты в кассе вокзальной продавали. Ткнула пальцем в свою судьбу, глаза закрыв...

Отец пришел с работы, узнал новость, промолчал, конечно. Он никогда своих эмоций не выражал. Только тихо очень в доме от этого молчания сразу стало, жутковато даже. И еще удивительно было – как же Инга на такое вообще осмелилась? Чтоб на отца обидеться, чтоб послушаться... Подумаешь, любовь он ее школьную осмеял! Нашла трагедию! Чтоб из-за любви какой-то... Вот ее, Веру, сроду никто не любил, ни одна мужская душа в этом грехе по отношению к ней не запачкалась... И что? Умерла она, что ли? И жива, и рядом с отцом всю жизнь счастлива! А всякие любви ей без надобности. Ей и так хорошо. Как маму похоронили, она вообще одна рядом с ним осталась. И дочерней любовью да верностью жизнь свою до края наполнила. Ни разу его ни в чем не подвела. Все делала, как он просил. И даже про болезнь его жестокую никому не рассказала. Три года уже несет она в себе этот тяжелый груз и ни словом Наде с Ингой не обмолвилась. А так хотелось поплакаться, кто бы знал! Особенно Наде... Разделить горе и страх, в котором она одна барахтается, как умеет... Но нельзя – раз отец не велел, значит, нельзя. Она привыкла его волей жить. И тем бо-

лее ей за него обидно. Рассуждают они, видите ли... Ехать им к отцу, не ехать... Дела у них там всякие разные... Чего тут рассуждать, скажите? Раз отец зовет, надо все бросать и мчаться, не рассуждая ни о чем...

День второй

Звонок будильника вѣдливо проник в сонное сознание, порушил только-только образовавшееся цветное видение – что-то зеленое, звонко-желтое, красиво-осеннее. То ли лес это был, то ли город такой, Инга понять не успела. Заснуть ей удалось только под утро. Тревога-бессонница напала сразу, как только она легла в постель, укутала холодным одеялом, и никаких сил не хватило, чтоб сбросить ее с себя вовремя. Ее, тревогу, если не сбросишь сразу, до утра она будет мозги твои жрать. Пока не насытится, не отпустит. И дела ей нет до того, что вставать человеку утром рано надо. А после ночной бессонницы это смертной казни подобно. Вытаскивать себя из ласковой, под утро пришедшей дремы, как в самоубийство нырять. Тем более если живешь свою жизнь отнюдь не жаворонком, а совой, самой что ни на есть классической, и спать по утрам тебе природным биологическим законом положено. А тут, вместо этого сна, нате вам – жизнерадостная утренняя песня будильника. Знаменует начало дня. И потянулась, как говорится, сплошная цепь биологических беззаконий...

К мерзкой электронной мелодии будильника тут же присоединился голос Светланы Ивановны. Хоть и человеческий, но такой же противный, на высочайшей визгливой ноте звучащий:

– Инга! Инга! Иди сюда, Инга! Мне плохо, Инга! Я умираю! Ты слышишь или нет?

Поборов желание сунуть голову под подушку и поглубже зарыться в постельное тепло, Инга заставила тело напрячься и выскочить одним прыжком в жизнь. Куда от нее денешься-то? Вон она, тут как тут, вопит-призывает...

– Иду, Светлана Ивановна, иду! – пробормотала она тихо, скорее для самой себя. – Сейчас, умоюсь только! Сейчас все будет! И хорошо будет, и чай будет, и еда будет. И жизнь. И никакого такого умирания...

Светлана Ивановна «умирала» каждое утро, вот уже три года кряду. Хотя для умирания как такового особых предпосылок и не было. Инсульт, приключившийся три года назад, обошелся со Светланой Ивановной довольно вежливо, совсем уж стопроцентно в движениях не ограничил. Могла она и на постели самостоятельно сесть, и ночной памперс с себя стащить, и до судна спасительного дотянуться. И диабет тоже в крови Светланы Ивановны не особо злобствовал. То есть разрешал жить и без инсулина, держался себе в допустимых сахарных пределах. Жить можно. То есть тихо доживать то, что остается человеку после его семидесяти. Вот только не была по складу своего характера Светлана Ивановна из тех, кто тихо и спокойно свою жизнь доживает. По складу характера яростно протестующая, беспокойная и нервно-злобная, в отместку за свою немощ другим людям жизнь портящая.

Слегла она с инсультом за год еще до Толикова предательства. И никак со своим лежачим положением смириться не могла. Привыкла быть в доме хозяйкой, привыкла все на себя взваливать. И Инга тоже быстро к этому обстоятельству привыкла – и к чистоте в доме, которая, казалось, сама собой, ниоткуда будто, берется, и к обедам-ужинам вкусным, и к стопочкам чистого белья, разложенного аккуратно по полкам. Может, потому Светлана Ивановна и приняла Ингу так приветливо, что та на хозяйство ее домашнее не притязала. И на кухне свое место не отвоевывала, принимала заботу о себе тихо и с равнодушной благодарностью. Пришла в семью соплюшка студенточка, сын доволен и счастлив, смотрит на нее с обожанием... Чего еще хорошей матери нужно? Только вот худа студенточка больно, подкормить бы надо получше. А что молчит все время, смотрит огромными равнодушными глазищами куда-то мимо, так это и хорошо. Молчит – не спорит. Уважает, значит. И образованная опять же, из хорошей семьи. Светлана Ивановна очень хотела, чтоб сын на образованной девушке женился, а не на халде какой крикливой. Зачем ей в доме крикунья-спорщица? Спорить со Светланой Ивановной было нельзя. Ее деспотичной заботе можно было только отдаться со всеми потрохами. И ребеночка народившегося – тоже туда, в бабушкину заботу отдать, в обстирывание и полезное питание, в походы по развивающим мероприятиям – танцам, шахматам, английским репетиторам...

Напавший на Светлану Ивановну insult застал их благополучное семейство врасплох. Все с ног на голову перевернул, все у них отобрал. А самое главное – деятельности бедную Светлану Ивановну лишил, одну только деспотичность оставил. А когда деспотичность места приложения лишена, тут уж и злоба появляется, и ненависть, и капризность. И делается все из ряда вон плохо, и раздражает до ужаса. И сын уже плох, и невестка неумеха, и внучка вредная... Самое страшное наказание для деспотичной женщины – insult. Какое уж тут достойное своей жизни доживание при таком внутреннем конфликте властности и бессилия...

Поначалу Толик все взял на себя. Вскакивал утром, с мамой своей, как мог, управлялся, Ингу от этой скорбной и неприятной обязанности полностью освободил. Терпел, как мог. Целый год терпел, будто по инерции жил. Так же Ингу на работу отвозил, так же Аньку – в садик. Оградил жену от неприятностей. В общем, вел себя так, как и обещал, когда предложение руки и сердца делал. Не дам, говорил, волоску с головы упасть, на руках всю жизнь носить буду. И в самом деле – носил. И волоски с головы Ингиной не падали. И смотрел на нее с обожанием, как преданный дворový пес смотрит на изысканной породы собачку. И никакого ответного к себе отношения не требовал. Впрочем, он и это ей обещал тоже – ответного отношения не требовать. Знал, что она другого любит. Она ж, наивная такая, тогда, сразу после предложения руки и сердца, ему так и заявила – хо-

чешь, женись, мол, но я другого люблю и всю жизнь любить буду...

Толик был из простых. Из тех, которые книжек не читают, но по натуре добрые. Автослесарь с широкой и мягкой, как подушка, душой. И мама его, Светлана Ивановна, была из простых. Добрая такая мама-деспот, если ей не перечить. Мужа своего, отца Толика, мама еще в молодости извела на корню, поскольку с характером попался мужчина, тоже из простых, но из буйных. Уволила из мужей одним махом после первых же полученных за женскую непокорность синяков. А Толик ни в мать, ни в отца характером не пошел – спокойным был, большим, теплым, веселым и покладистым...

Познакомились они на улице. Тем как раз летом, когда Инга приехала в тот город в институт поступать. Толик просто шел себе, радуясь, просто обернулся на проходящую мимо Ингу, просто пошел за ней, как телок на веревочке. Случается такое с людьми непритязательными, влюбляются вот так, с ходу, ныряют с головой в омут – в сложное, непонятным трагизмом волнующее, красивым языком говорящее, болезненной хрупкостью за собой манящее. И бредут потом по своей жизни с этим тяжким грузом, работают на него, лелеют, убаживают... Зачем? Да бог его знает.

Инга и дня думать не стала, выходить ей за Толика замуж или нет. Пошла, не оглядываясь. Главное – она его насчет чувств, отношения к нему не имеющих, честно предупреди-

ла. Зато верность мужу обещала блюсти на веки вечные. Значит, и совесть была чиста. К тому же как раз восемнадцать ей исполнилось, и душа всю горела-пепелилась той еще любовью, первой, которая якобы не ржавеет никогда. Любовь, сначала отцом осмеянной, а потом и самим объектом любви, Севкой Вольским, вероломно отвергнутой. Свадьбу сыграли сразу после зимней сессии, на каникулах – Инга в институт поступила легко, особо не напрягаясь. Послали, как и полагается, приглашения всем родным в ее город, в «запретную зону» с красивым снежным названием. Обычный текст, обычные трафаретные строчки с переплетенными кольцами в конце. А между строчками – обида. Вот вам – московский институт! Вот вам – школьная любовь! Ничего мне такого не надо, я, мол, сама, сама со своей жизнью разобралась! Раз обсмеяли мою любовь, вот и получите теперь. Вот вам мой муж, знакомьтесь, пожалуйста. Ничем не примечательный серенький Толик-автослесарь...

Так и жила потом, как в сером тягучем тумане. Как трава на болоте. На втором курсе Аньку родила, потом диплом получила, потом на работу устроилась. Приходила, ела борщи да котлеты свекровкины, отправлялась в свою комнату книжки читать. Толик ходил вокруг нее на цыпочках – гордился культурной женой. Жизнь как жизнь. Все как у всех. Только в голове – Севка Вольский. И правда, значит, она не ржавеет, первая любовь. Только ярче еще становится. Образ Севки на фоне Толика расцветал в Инги-

ной душе все новыми и новыми красками, переливался всеми оттенками неизжитой боли – чистое страдание, ни дать ни взять. Муки, глазу невидимые. И никакой костер Толиковой любви не согревал. Женой Толику она, однако, старалась быть хорошей, потому что без Толика было бы еще хуже. Он был надежным, как та самая каменная стена. Хоть и защищать ее особо было не от кого, а все равно – атрибут надежности. Да и приятно, знаете ли, даже пусть и на подсознательном уровне, когда вокруг тебя на цыпочках ходят и с тупым обожанием в глаза заглядывают. К этому быстро привыкаешь, как к данности какой природной...

Правда, хватило Толика ненадолго. Только год сумел он прожить новой трудной жизнью, крутясь между больной мамой и молчуньей женой. А потом ему как-то резко надоело все. И мама со своим лежаче-вопящим деспотизмом надоела, и Инга со своим будто перепуганным равнодушием. Загулял он сразу и основательно – как ушел утром из дому, так и вернулся только через неделю. После мучительных бессонных ночей, после поисков сына и мужа по моргам и больницам Светлана Ивановна с Ингой, увидев его в дверях, разрыдались от радости. Только недолго та их радость продлилась. Практически с порога Толик заявил – ухожу, мол. Другую бабу себе нашел, извините. Настоящую бабу, а не ботву вялую, как эта... Инга из небрежного жеста его руки в ее сторону сразу и поняла, кто она есть для него с сегодняшнего дня – ботва вялая. И сразу поверила, не обиделась да-

же. Что ж, пусть будет теперь у нее новый статус. И правда – ботва вялая. Прожила десять лет рядом с мужем травой, теперь вот ботвой стала. А чего она хотела другого? Ну, не получилось из нее плода. Мужика, его и впрямь по-настоящему любить надо. Без обману. И на обмане долго не протянешь, а уж на правде и тем более. Это ж надо – выдала тогда ему перед свадьбой – другого люблю... Та, видно, женщина, с которой он прожил всю неделю, ни о матери, ни о жене не вспомнив, наверняка настоящим плодом для него и оказалась. По крайней мере, уж точно про нелюбовь свою не талдычила, как Инга десять лет назад. Вот же дура была молодая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.